

Д. Н. Жаткин, О. С. Гришина

**Э. И. Губер и поэзия
русского романтизма**

В начале 1830-х годов в русскую литературу пришла целая плеяда молодых поэтов, в творчестве которых, под несомненным влиянием предшественников, преобладали характерные романтические мотивы: конфликт идеальных стремлений и разрушающей их реальности, разочарование в любви и дружбе, жизненная скука, неприятие «существенности», поэт и вдохновение, поэт и рок, поэт и толпа, предчувствие ранней смерти. Одним из наиболее ярких представителей этой плеяды был Эдуард Иванович Губер (1814—1847), дебютировавший в 1831 году в «Телескопе» публикацией стихотворного перевода из Ф. Шиллера «Стремление» и впоследствии ставший постоянным автором ведущих литературных журналов —

«Библиотеки для чтения», «Сына отечества», «Отечественных записок», «Современника», «Русского вестника» и др.

«Среднего, почти невысокого роста, с широкими плечами, крупными чертами лица, толстым носом, такими же губами, с длинными темно-русыми волосами, беспорядочно разбросанными на голове, с пронизательными и выразительными глазами, нависшими бровями, густыми черными бакенбардами, смуглым, желтоватым цветом лица, в платье, небрежно надетом»¹, — таким представал Губер перед современниками. Кумиром Губера был А. С. Пушкин, которому молодой поэт старался подражать во всем, в том числе и во внешнем облике, отращая бакенбарды наподобие пушкинских. «Мы все бу-

дем помнить это добродушное пушкинское лицо»², — писал В. А. Соллогуб в некрологической статье «Э. И. Губер», опубликованной «Санкт-Петербургскими ведомостями».

Губер подражал А. С. Пушкину и в стихах. К примеру, с пушкинского стиха «Погасло дневное светило», первого в одноименном стихотворении, написанном в 1820 году, начинается созданная Губером в юношеские годы дума «Георгий Московский»³.

В русле пушкинских традиций интерпретировал Губер тему поэта и поэзии. Так, в «Награде поэта» (1837) Губером была развита основная мысль стихотворения Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта...», 1827). Образ творца в восприятии как Пушкина, так и Губера оказывался двойственным: вдохновение проводило лишь временную грань между поэтом и суетным миром, тогда как в повседневности любой, даже самый гениальный человек оказывался представителем своего круга, ничем не отличался от всех остальных людей, жил каждодневными заботами и проблемами, имел свои пороки и слабости. В подобном ключе Пушкин рассуждал о вдохновенном творце и в «Египетских ночах» (1835), где показано преображение человека в миг «приближения бога», создан образ итальянца-импровизатора, неординарного, вдохновенного поэта в минуты творчества, однако ничтожного и алчного обывателя в своей повседневной жизни. Символично, что в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Поэт» («Когда Рафаэль вдохновенный...», 1828) вдохновение также представало «чудесным порывом», приподнимавшим творца над всем заурядным лишь на мгновения, по истечении которых он становился таким, как и все остальные: «Но скоро сей порыв чудесный// Слабел в груди его младой,// И утомленный и немой// Он забывал огонь небесный»⁴.

В стихотворениях «Поэт и люди» (1832), «Судьба поэта» (1833), «Награда поэта» (1835) Губер перепевал известное произведение Пушкина «Поэт и толпа» (1823), при этом сужая смысл и развивая тему в аспекте неизбежной обреченности поэта на одиночество в толпе, среди «черни». Неизбеж-

ная дань «романтическим преувеличениям», предельная гиперболизация мотивов и образов («черни кровожадной», «поэт разгневанный», «любопытна и глупа <...> к нему сбегается толпа») с особой силой проявились в «Судьбе поэта» Губера⁵, где толпа глумится над творцом, «жрецом небес»: «Его и хвалит и порочит, // И дико смотрит на него, // Или бессмысленно хохочет // Над вдохновением его, // И как раба своей забавы, // На шумный пир его зовет, // И жрец небес, питомец славы, // У ней поденщиком слывет!»⁶. Противопоставленный надменной и бессмысленной толпе поэт испытывает презрение со стороны окружающих, подвергается гонениям, клевете, однако при этом не утрачивает способности к творчеству, находит утешение в общении с богом.

Строка «Прошедших лет минутное забвенье»⁷ в стихотворении Губера «Путь жизни» (1836), хотя и создана, как указывает Ю. Д. Левин, «по образцу «Безумных лет угасшее веселье...», с чего начинается пушкинская «Элегия»⁸, датируемая 1830 годом, однако, на наш взгляд, может иметь существенно больший ассоциативный ряд в русских романтических элегиях. К примеру, о том же писали в своих элегических произведениях А. Ф. Мерзляков («С слезами обращусь к вам, // Минувши дни очарований» («Разлука», 1815)⁹, В. А. Жуковский («Минувших дней очарованье, // Зачем опять воскресло ты?» («Песня» («Минувших дней очарованье...»), 1818)¹⁰, А. А. Дельвиг («Протекших дней очарованья, // Мне вас душе не возвратит!» («Разочарование», 1824)¹¹, Н. М. Языков («Не улетай, не улетай, // Живой мечты очарованье! // Ты возвратило сердцу рай — // Минувших дней воспоминанье» («Элегия» («Не улетай, не улетай...»), 1824)¹². Поэты традиционно размышляли о разочаровании в любви, в возможности личного счастья, способности обрести душевную гармонию, отказываясь от поисков близкого человека.

Наряду с Пушкиным сильное влияние на творческое становление Губера оказал немецкий ученый-историк и писатель И. А. Фесслер (1756–1839), поселившийся в России

в начале XIX века¹³. Именно под влиянием жизненных представлений и гражданских убеждений Фесслера Губер первым в России обратился к переводу «Фауста» И.-В. Гете¹⁴. В 1835 году перевод первой части «Фауста» был завершен и отдан в цензуру, однако цензура не разрешила его к печати, после чего Губер «с досады»¹⁵ уничтожил рукопись. Эта история стала известна В. А. Жуковскому, который рассказал ее А. С. Пушкину, решившему, в свою очередь, разыскать Губера, ободрить его и предложить снова приняться за перевод.

О ближайшем участии А. С. Пушкина в переводе Губера как человеческой поддержкой, так и реальной творческой помощью сохранились свидетельства самого Э. И. Губера, А. Г. Тихменева, В. А. Соллогуба, М. Н. Лонгинова, причем некоторые свидетельства носят вторичный характер. Вот, в частности, как описывал эти события А. Г. Тихменев: «...Пушкин разведал о квартире молодого человека и тотчас же отправился к нему, но, не застав дома, оставил карточку. Понятно, с каким изумлением нашел ее Губер, воротившись домой»¹⁶. Реакция Губера на неожиданный визит Пушкина подробно передана в некрологической статье В. А. Соллогуба: «Возвратившись однажды домой, узнал он от своего человека, что к нему приходил с визитом какой-то господин, назвавший себя Пушкиным. Губер, не оглядываясь, побежал к новому покровителю, который встретил его радушно, спрашивал про перевод <...> и прибавил, что если Губер дорожит его приятелью и хочет к нему ходить, то он приглашает его не иначе как всякий раз с продолжением нового перевода «Фауста»¹⁷. С тех пор Губер стал регулярно бывать у Пушкина, каждый раз принося с собой фрагменты заново переводимой трагедии. Беседы с великим поэтом впоследствии вспоминались Губеру как «утраченное невозвратное счастье», поскольку именно благодаря «живому участию, советам и ободрениям»¹⁸ Пушкина стал возможным творческий подъем, итогом которого и явилась вторая редакция перевода первой части «Фауста». Губер утверждал,

что трудился «при его <Пушкина> советах, под его надзором»¹⁹.

Отдельное издание своего перевода, вышедшее в 1838 году, Губер посвятил «незабвенной памяти А. С. Пушкина». В поэтическом посвящении недавно погибшему великому поэту Губер вспоминал историю знакомства с Пушкиным, события, подвигнувшие вновь вернуться к работе над переводом: «Когда меня на подвиг трудный // Ты улыбаясь вызывал, // Я верил силе безрассудной // И труд могучий обещал»²⁰. Далее автор посвящения подчеркивал значение пушкинских творческих достижений для своей литературной судьбы, в которой перевод «Фауста» стал одним из значимых этапов: «С тех пор один, вдали от света, // От праздной неги бытия, // Благословением поэта // В ночных трудах крепился я»²¹. Традиционно скромно оценивая собственное литературное дарование, Губер еще больше оттенял величественность фигуры Пушкина, подчеркивал историческое значение его творчества.

В 1837 году, когда Россию потрясла весть о гибели Пушкина, Губер впервые отчетливо обнаружил свою созвучность поэзии М. Ю. Лермонтова. Лермонтов в первые скорбные дни откликнулся на происшедшее стихотворением «Смерть Поэта», широко распространившимся в списках и побудившим власти провести специальное расследование. Отклик Губера, появившийся существенно позже, 27 февраля 1837 года, несмотря на свою ограниченность и завуалированность протеста, был также проникнут возмущением, негодованием, угрозами отмщения убийце великого поэта: «Влачись в пустыне безотрадной // С клеймом проклятья на челе! // Твоим костям в могиле холодной // Не будет места на земле» («На смерть Пушкина»)²².

Мотивы отчаяния и тоски, отрицания и протеста, характерные для раннего романтизма М. Ю. Лермонтова, в полной мере вошли в поэзию Э. И. Губера, сильно переживавшего «совершенное разложение жизни» (Ап. А. Григорьев)²³, приход «железного века» прагматизма на смену эпохе великих поэтов, высоким романтическим идеалам. Гу-

бер был ярким представителем «рефлексивной» поэзии, часто содержащей беспредметные жалобы и сетования, ориентированной на воспевание собственных страданий, ощущений, чувств и противопоставленной В. Г. Белинским поэзии «субъективной», выдвигавшей на первый план прогрессивные, согласно взглядам критика, представления о жизни. В. Г. Белинский, отмечая малооригинальность, «избыток болезненного чувства»²⁴ в произведениях Губера, вместе с тем усматривал у поэта «хорошо обработанный стих, много чувства, еще больше неподдельной грусти и меланхолии, ум и образцованность»²⁵.

К теме лермонтовского воздействия на творчество Э. И. Губера обращался еще И. Н. Розанов²⁶, который усматривал мотивы «Думы» (1838) М. Ю. Лермонтова в стихотворениях Губера «Дума» (1840) и «Расчет» (1840), а также отмечал в стихотворении «Проклятие» (1844) характерную лексическую реминисценцию: «Толпой угрюмою и скоро позабытой // Над миром мы пройдем без шума и следа. // Не бросивши векам ни мысли плодovитой, // Ни гением начатого труда» (М. Ю. Лермонтов)²⁷ — «Что идя за толпой я по тропе избитой, // Не бросил яркого следа; // Что не оставлю я ни мысли плодovитой, // Ни благородного труда» (Э. И. Губер)²⁸.

И. Л. Андроников, установивший имя Натальи Федоровны Ивановой как адресата обширного цикла стихотворений Лермонтова 1830–1832 годов, отметил близость стихов 11–12 заключительного произведения лермонтовского цикла «К***» («Я не унижусь пред тобою...»; 1832), впервые неполно опубликованного в 1859 году, и стихотворения Губера «Любовь» (1842)²⁹. Вероятно, стихотворение великого предшественника было известно Губеру в рукописи, а иначе чем еще можно объяснить «точечность» реминисценции (11–12 стихи у Лермонтова и 11–12 стихи у Губера): «И целый мир возненавидел, // Чтобы тебя любить сильней» (М. Ю. Лермонтов)³⁰ — «Весь этот мир возненавидеть, // Чтоб в нем одну ее любить» (Э. И. Губер)³¹. Также усматриваются переключки между сти-

хотворениями «Не верь себе» (1839) Лермонтова и «Иным» (1844) Губера.

С трагическим уходом Пушкина и Лермонтова русская поэзия осиротела, во многом утратила ориентиры дальнейшего развития. «После Пушкина и Лермонтова трудно быть не только замечательным, но и каким-нибудь поэтом! — писал В. Г. Белинский в статье «Русская литература в 1843 году». — И теперь в журналах изредка появляются стихотворения, выходящие за черту посредственности; но когда в том же номере журнала находишь стихотворение Лермонтова, то не хочется и читать других»³². И в таких сложных условиях Губеру все же удалось, по наблюдению Р. В. Иезуитовой, обрести «свое лицо», прежде всего в тех случаях, когда поэзия шла от жизненных наблюдений самого поэта, содержала мотив одиночества («Друзья»), мольбы о счастье («Молитва»), разочарование, сомнения, горестные раздумья («Перепутье», «Путь жизни», «Три сновидения»), кладбищенские мотивы (не в мистическом понимании, а как выражение усталости от несправедливости и трагичности бытия)³³. Однако даже в лучших стихотворениях Губер остается в чем-то ограниченным человеком, поскольку не может преодолеть романтический идеализм, воспринимает зло не как социальную проблему, а как черту общего миропорядка, обусловленную несовершенством жизни. Отсюда и ощущение трагической безысходности, и упоение собственными душевными страданиями, и нежелание конкретизировать, сделать более реальным образ своего оппонента, противника, и осознание бесплодности предпринимаемых усилий.

¹ Тихменев А. Г. Э. И. Губер: Биографический очерк // Губер Э. И. Соч. : В 3 т. СПб., 1860. Т. 3. С. 231.

² Соллогуб В. А. Э. И. Губер // Санкт-Петербургские ведомости. 1847. 20 апреля (№ 87). С. 407.

³ См.: Губер Э. И. Соч. : В 3 т. СПб., 1859. Т. 1. С. 433.

⁴ Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 132.

- ⁵ Анализ этого стихотворения см.: Иезуито-ва Р. В. Пушкин и эволюция романтической лирики в конце 20-х и в 30-е годы // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 6. Реализм Пушкина и литература его времени. Л., 1969. С. 89.
- ⁶ Поэты 1840–1850-х годов. Л., 1972. С. 132.
- ⁷ Губер Э. И. Указ. изд. Т. 1. С. 68.
- ⁸ Левин Ю. Д. Русско-немецкий поэт Э. И. Губер // Многоязычие и литературное творчество. Л., 1981. С. 121.
- ⁹ Мерзляков А. Ф. Стихотворения. Л., 1958.
- ¹⁰ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. М.-Л., 1959. Т. 1. С. 310.
- ¹¹ Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 179.
- ¹² Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.-Л., 1964. С. 123.
- ¹³ См.: Висковатов П. А. Эдуард Губер и Фесслер. СПб., 1887.
- ¹⁴ Об этом подробнее см.: Деген Е. Э. И. Губер как поэт и первый русский переводчик «Фауста» // *Cosmopolis*. 1898. № 4, 5; Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1981; Левин Ю. Д. Э. И. Губер — переводчик «Фауста» Гете // Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 51–71.
- ¹⁵ Тихменев А. Г. Указ. соч. С. 268.
- ¹⁶ Там же. С. 269.
- ¹⁷ Соллогуб В. А. Указ. соч. С. 105.
- ¹⁸ Фауст. Сочинение Гете. Перевод Эдуарда Губера. СПб., 1838. С. XXXI.
- ¹⁹ Губер Э. И. Литературное объяснение // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. 21 августа (№ 34). С. 335.
- ²⁰ Фауст. Сочинение Гете. Перевод Эдуарда Губера. СПб., 1838. С. VII.
- ²¹ Там же.
- ²² Поэты 1840–1850-х годов. Л., 1972. С. 139.
- ²³ Григорьев Ап. А. Собр. соч. : в 14 вып. / под ред. В. Ф. Саводника. М., 1915. Вып. 13. С. 15.
- ²⁴ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1955. Т. 8. С. 391.
- ²⁵ Там же. С. 121.
- ²⁶ См.: Розанов И. Н. Отзвуки Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову. М.-Пг., 1914. С. 237–239.
- ²⁷ Лермонтов М. Ю. Указ. изд. Т. 1. С. 47.
- ²⁸ Поэты 1840–1850-х годов. Л., 1972. С. 157.
- ²⁹ См.: Андроников И. Л. Адресат остается неизвестным // Проблемы современной филологии. М., 1965. С. 321.
- ³⁰ Лермонтов М. Ю. Указ. изд. Т. 1. С. 411.
- ³¹ Поэты 1840–1850-х годов. Л., 1972. С. 150.
- ³² Белинский В. Г. Указ. изд. Т. 8. С. 63.
- ³³ Подробнее см.: Иезуитова Р. В. Указ. соч. С. 89.

20–22 ноября 2008 г. в Московском гуманитарном университете состоится V Международная научная конференция «Высшее образование для XXI века». В число организаторов конференции входят Московский гуманитарный университет, Комитет Совета Федерации ФС РФ по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии, Департамент образования г. Москвы, Институт философии Российской академии наук, Институт психологии Российской академии наук, Институт социологии Российской академии наук, Институт экономики Российской академии наук, Российская академия образования, Национальный союз негосударственных вузов, Союз негосударственных вузов Москвы и Московской области, Международная академия наук (IAS). Цель конференции — определение позиций научного и образовательного сообщества относительно стратегии высшего образования в условиях новых глобальных возможностей и рисков.